

позволил И. Саудеру прийти к выводу, что этот метод, с одной стороны, опирается на традиции критического реализма XIX столетия, а с другой — критически использует художественные достижения искусства XX века, — другими словами, социалистический реализм предполагает богатство, разнообразие стилей и творчески синтезирует элементы, средства и достижения отдельных старых и более новых стилевых направлений.

Широко отражены в энциклопедии вопросы теории литературы. Обстоятельные очерки посвящены понятиям народности, единству формы и содержания, идейно-тематической основе произведения, проблеме типического.

Большую познавательную ценность содержат статьи о различных жанрах литературы, и прежде всего рассказывающие о национальных фольклорных жанрах. К ним относятся справки о «фартангских играх» — древних народных обычаях, «песнях-укоризнах» — как одном из видов древней венгерской поэзии, очерк об исторических песнях и др.

Читатель найдет на страницах энциклопедии сведения о всех литературных журналах, газетах, издававшихся и издающихся в Венгрии, литературных обществах, кружках, салонах-объединениях, театрах, библиотеках, издательствах, литературных премиях, современных международных литературных организациях.

Включены в энциклопедию и биографические статьи о крупнейших венгерских языковедах, а также сведения, раскрывающие смысл основных терминов лингвистики.

Думается, что энциклопедия подчас излишне перегружена понятиями, не имеющими прямого отношения к литературе. В ней разъясняется большое количество философских терминов, дается толкование иностранных слов, приводятся сведения о самых различных политических журналах.

Оценивая же энциклопедию в целом, хочется прежде всего подчеркнуть: ее издание (кстати, превосходно оформленное!) — огромное достижение венгерской культуры, свидетельство зрелости литературной науки социалистической Венгрии.

М. УЛЬРИХ

КОРОТКО О КНИГАХ

МЫСЛИ О ПОЭЗИИ*

Эта маленькая книга дышит счастьем человека, который не только любит писать стихи, но любит

думать о поэзии и умеет постигать ее тайны.

Что заставляет поэта браться за критическое перо? С одной стороны, наверное, *jalousie de métier* — ревность ремесла, как говорят францу-

* Евгений Винокуров, Поэзия и мысль, «Советская Россия», М. 1966, 88 стр.

зы. С другой стороны, конечно, желание прийти на помощь исследователю и читателю. Когда о поэзии пишут сами поэты, то мы получаем свидетельство о «тайнах ремесла» из первых рук. В авторском предисловии Е. Винокуров образно говорит: «Трагедия пишущего о стихах состоит в том, что он не может говорить об алмазе, не превратив его сначала в уголь,— и все, что он говорит, относится в сущности к углю, хотя пишущий и подразумевает в своих рассуждениях алмаз». Мне кажется, в этой книжке Е. Винокурову в равной степени удастся «добыть уголь» и сохранить «алмазы».

Сборник включает в себя несколько маленьких статей, посвященных теории и практике поэзии, а также «Заметки о русских поэтах» (о старых и новых, от Пушкина до Смелякова). Е. Винокуров не стремится определить поэзию одной формулировкой. «Поэзия — вещь бесконечно глубокая, бесконечно значительная». В рецензии эти слова могут показаться общими, но в книге Е. Винокурова они не общи.

Из всего ряда поэтических проблем, которых касается Е. Винокуров, главными он считает «мысль» и «личность поэта».

«Поэзия — верховный акт мысли».

«Поэты — это мастера Мысли».

«...В поэзии *натура* пишущего стиха имеет центральное значение,— в ней суть дела».

«Поэзия не может быть без личности, без углубления в себя».

Мысль и техника стиха для Е. Винокурова неотделимы. Все формальные качества стиха — это одновременно качества поэтической мысли. Ритм, музыкальность, даже эмоциональность — все служит мысли. Содержание поэзии тоже подчинено мысли. Такие проблемы, как «нова-

торство», «лирический герой» или «личность поэта», прежде всего проблемы поэтической мысли, ибо «цель поэзии — истина». Поэзия универсальна, как божество, и может быть точкой опоры и даже не точкой, а площадью опоры, фундаментом: для культуры, политики, науки, истории. Кроме того, рассматриваются с точки зрения «решающей роли» и такие пары: поэзия и бытие, поэзия и общество, поэзия и современность, поэзия и читатель, поэзия и проза... В заметке о Есенине, например, отношение поэзии и революции определяется так: «В Есенине жила красивая гипотеза России». И далее: «Поэты — маяки, оглядываясь на которые, живут народы». Поэзия «преодолеывает прозу» и даже (!) «скрепляет отношения мужчин и женщин»...

Но чем больше убеждает нас Е. Винокуров в универсальности поэзии, тем меньше мы начинаем верить ему, и это происходит в тот момент, когда мы начинаем чувствовать, что главным аргументом Е. Винокурова становится не мысль, а эмоциональное отношение к предмету разговора. И не соглашаясь, конечно, с признанием универсальности поэзии, можно понять, что утверждение Е. Винокуровым примата мысли в поэзии вытекает из характерного для сегодняшней литературной действительности явления — поиска точных способов выражения мысли.

Заметки-эссе о русских поэтах дают прекрасные портреты и еще более конкретизируют главные мысли автора. Сколько уже написано о Пушкине, но «все несть ему конца», и Е. Винокуров интересно анализирует творчество поэта. Е. Винокурову важно найти облик поэта, близкий к истинному, и он пытается дегармонизировать привычный взгляд на поэта,

беря в противоречиях черты Пушкина, человека и художника.

Лучшая в сборнике, на мой взгляд,— уже известная (по предисловию к избранному) статья о Фете. Настойчиво и терпеливо (тут позавидует любой литературовед) идет Е. Винокуров по кругам поэзии Фета, доходя до ее сердцевины — «музыкальной мудрости» («мысль у него, как соль в воде, растворена полностью в музыке»). Внимательно он следит за построением стиха Фета — и образным и звуковым. И поэзия Фета становится ясной во всех ее закономерностях. Причудливо звучат транскрипции, которые выводит Е. Винокуров из стихов Фета: «По-ен-с-ада по-ен-сада Вено вен вено». (Как всякое божество, поэзия здесь тоже решила заговорить таинственным языком.)

От Фета поэт-критик переходит к Маяковскому, Есенину, Цветаевой,

Заболоцкому и Смелякову. И везде его анализ несет в себе те же черты — наблюдательность и стремление к точности. Поэтическая одухотворенность разбора как бы поворачивает перед читателем грани алмазов из сокровищницы русской поэзии (хотя и здесь Е. Винокуров порой теряет чувство меры, безоговорочно зачисляя любимых им поэтов в «максималисты», в выразители «крайних» взглядов в поэзии и жизни).

Еще одну особенность этой книги хочется подчеркнуть,— она написана не «для себя», а для других, для всех. Критики часто пишут «для себя» или для других... критиков, эта же книга открыта настежь для всех, посвященных и непосвященных.

Приходится сожалеть только о том, что сборник так «непрочно» издан: в $\frac{1}{32}$ листа, в плохой обложке и малым, тающим на глазах тиражом.

А. КУЗНЕЦОВ

ПОЛЕЗНЫЙ СПРАВОЧНИК*

Издательство «Высшая школа» выпустило аннотированный библиографический справочник «С. А. Есенин», составленный Е. Карповым.

В этой, самой полной из имеющихся есенинских библиографий, названо около восьмисот работ, вышедших за последние пятьдесят лет на русском языке.

В справочнике учтены широко известные современному читателю

высказывания М. Горького, А. Блока, В. Маяковского, А. Толстого, Н. Асеева, А. Серафимовича, В. Качалова; исследования К. Зеллинского, В. Перцова, Е. Наумова и др. Здесь же немало забытых и полузабытых заметок, статей и брошюр, затерявшихся в периодической печати и в плохо известных современному читателю изданиях. Внимательный взгляд библиографа заметил и те, порой в несколько строк, отклики, которые сопровождали вступление Есенина в литературу и сопутствовали его недолгому, но полному

* Е. Л. Карпов, С. А. Есенин. Библиографический справочник, «Высшая школа», М. 1966, 160 стр.